

УДК 39(4/9)

**ОБ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ДИНАМИКИ ОБРАЗОВАНИЯ
В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ**

Магомедханов М.М.,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

mkhan@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются этносоциальные проблемы, обусловленные состоянием образования в Дагестане в постсоветский период. При этом освещены унаследованные с советского времени издержки функционирования системы образования как основного средства социальной мобильности, а также новейшие тенденции падения значимости образования в воспроизводстве социальной структуры, в совершенствовании социокультурного облика дагестанцев.

Abstract: The article covers ethnosocial problems caused by the status of education in Dagestan in the post-Soviet period. The author considers the expenses of the functioning of the education system inherited from the Soviet period as the main means of social mobility, and also the newest tendencies of falling of the importance of education in reproduction of social structure, in improvement of the sociocultural image of the Dagestan people.

Ключевые слова: образование, этносоциальные процессы, социальная мобильность, воспроизводство социальной структуры, Дагестан, дагестанцы.

Keywords: education, ethnosocial processes, social mobility, reproduction of social structure, Dagestan, the Dagestan people

В советское время большое внимание уделялось изучению формально-статистических аспектов развития образования, деятельности государственных структур в ускорении данного процесса (Каймаразов Г.Ш., 1988).

Между тем, признаки социальной напряженности в Дагестане вокруг проблем образования проявлялись и в советский период, особенно с 1970-х годов. Речь идет о соперничестве за поступление в ВУЗы и техникумы, за «доходные места», служебное положение и т.д. Надо сказать, что политика зоркого слежения за «подбором и расстановкой кадров», за выполнением «национальных разрядок» в планах приема в ВУЗы, позволяла Дагестанскому обкому КПСС минимизировать трения и конфликты, возникавшие на почве межэтнической конкуренции за социальное самоутверждение, удерживать ситуацию в режиме управляемости. Вместе с тем, партийно-бюрократические методы кадровой политики имели свои издержки. Так, перечень должностей, значившихся как «номенклатура обкома» или «райкома» КПСС охватывал практически все социально престижные вакансии и «доходные места». Словом, «подбор и расстановка кадров» осуществлялись на основе номенклатурных предписаний, при исполнении которых значение анкетных данных, в особенности партийной и национальной принадлежности, оказывалось более важным, чем профессиональная компетентность и добросовестность работника.

Уровень образования занятого населения отдельных национальностей
(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)

На 1000 занятых данной национальности приходится лиц с образованием:

Национальности	С высшим	С незаконченным высшим	Со средним специальным
Аварцы	95	11	166
Агулы	122	14	187
Даргинцы	94	11	153
Кумыки	114	14	248
Лакцы	182	17	236
Лезгины	133	13	209
Ногайцы	104	11	219
Рутульцы	102	13	176
Табасаранцы	104	10	151
Цахуры	122	12	116
Русские	167	15	319
Азербайджанцы	102	12	214
Чеченцы	52	10	183
Евреи	163	15	270
Евреи горские	98	12	266

Составлена по: Социально-демографическая характеристика..., 1992, С. 79–82.

Социально-профессиональный и образовательный потенциал различных национальностей был неодинаковым, а пропорциональность при распределении «дефицитных» должностей по национальностям соблюдалась жестко. Такая практика создавала условия для спекуляций пятой графой: для одних она служила как своего рода «вексель» на «кормушку», а для других – неофициальным препятствием при поступлении в ВУЗ, устройстве на престижную работу и т.д.

Несоразмерно с потребностями республики высокий наплыв дипломированных выпускников ВУЗов и техникумов (в частности, медиков, специалистов в области сельского хозяйства), перенасыщенность городов и ряда районов специалистами, нежелание выпускников работать вне города или «своих» районов – все это уже с 1970-х гг. создавало в республике напряженную социальную ситуацию. Попытки минимизировать остроту проблемы выделением «льготных» мест для абитуриентов из некоторых (в основном высокогорных) районов имели и обратную сторону: качество подготовки кадров оставляло желать лучшего.

Не решало проблему и плановое распределение выпускников дагестанских ВУЗов, в частности, медиков в края и области РСФСР. Отработав предусмотренный срок, или приобретя «открепление», большинство из них возвращалось обратно в республику. Выход из клубка проблем, связанных с обретением диплома о высшем образовании, людям приходилось искать в родственных, куначеских и иных связях, через эксплуатацию чувств джамаатской или этнической солидарности высокопоставленных должностных лиц. В бытовом сознании дагестанцев понятия «свой человек», равно как и национальная принадлежность того или иного «начальника», стали приобретать далекий от «морального кодекса строителя коммунизма» смысл.

Уже с 1970-х гг. обеспечение «представительства» национальностей не только в органах власти, на руководящих должностях и т.п., но и самое рядовое трудоустройство стало приобретать «этнический резонанс». Известны случаи, когда руководители учреждений, во избежание нареканий со стороны партийных органов по части национализма, порой не рисковали принимать своих соплеменниц даже на «должности» уборщиц и вахтеров.

В какой-то мере проблема «выращивания кадров» и их равномерного представительства решалась за счет расширения бюрократического аппарата, увеличения штатов. Так, например, если в 1975 г. в аппарате управления было занято 68,7 тыс. человек или 14, 7% от общего числа работавших в народном хозяйстве республики, то к 1985 г. в управленцах состояло уже 89 тыс. человек, т.е. на 29,0% больше, чем в 1975 г.

В 1990-е гг. Дагестан, как и вся страна, из состояния застоя переходит в положение стагнации и всеобщего кризиса. Статистика качества жизни населения Дагестана в 1990-е гг., даже на фоне показателей самых депрессивных в социально-экономическом отношении регионов России, становилась с каждым годом все менее утешительной. Республика с богатыми природными и трудовыми ресурсами превращалась в обанкротившуюся территорию с паразитическим бюджетом, до 90% формируемым из федеральных дотаций, с уровнем заработной платы в три раза меньше, чем в среднем по Российской Федерации.

Дагестан традиционно относится к регионам с избыточными трудовыми ресурсами. Невозможность трудоустройства по месту жительства или в пределах Дагестана – это перманентная социальная проблема, напряженность которой усугубляется тем обстоятельством, что в понятиях дагестанца материальное обеспечение семьи является нравственным долгом, первой же ценностной ориентацией.

До распада СССР, благодаря сохранившейся традиции отходничества за пределы Дагестана, проблема безработицы как-то решалась. По разным оценкам, от двухсот до трехсот тысяч дагестанских мужчин образовывали строительные бригады и работали в разных областях России и бывшего Союза. Развал СССР обернулся для примерно 700 тыс. дагестанцев, живших тогда за пределами Дагестана, серьезными экономическими потерями и морально-психологическими проблемами, связанными с обострением межэтнических отношений в ряде регионов России и в бывших республиках СССР.

Хотя деградация экономики не обязательно ведет к падению нравственности, добродетели, традиционно свойственные дагестанцам, оказывались беззащитными перед натиском криминальной морали. В 1990-е гг. покушения на жизнь власть и богатство имущих, взрывы, похищения людей, террористические акты становились обыденным явлением в жизни республики. Все это, наряду с пристрастными репортажами по центральным СМИ об исламском экстремизме, бандформированиях, терактах, коррупции, криминальных сообществах «этнических дагестанцев» от Владивостока до северо-западных окраин России и т.п., дискредитировало дагестанцев в глазах российской и мировой общественности. Создавалось впечатление, что политическая и информационная «авансцена» России 1990-х гг. охотнее принимала образ Дагестана, в котором нет ни врачей, ни учителей, ни милиции, ни певцов, а состоит из одних только «исламских радикалов», «ваххабитов» и коррумпированных этноклановых группировок.

Дагестан – это светская республика. Закрепленные в Конституции республики базовые параметры «светскости», равно как и социальная структура, образовательный и культурный уровень Дагестана, – все это вполне сопоставимо с социально продвинутыми регионами России.

По официальной статистике, на протяжении 1990-х гг. каждый пятый из восьмисоттысячного экономически активного населения оставался безработным. Если учесть, что из двухмиллионного населения республики более трети живут в высокогорье, где масса людей занята сезонными работами в хозяйствах, в технологическом отношении застывших по ряду позиций на средневековом уровне (отгонное овцеводство и земледелие с использованием рала, молотильных досок и гужевой тяги), то станут понятными реальные масштабы безработицы в горах.

С 1990-х гг. массовый выпуск специалистов с высшим и средним специальным образованием приобрел характер нерегулируемого (или регулируемого масштабами коррупции) хаоса.

Перепись 2002 г. впервые выделила в отдельную категорию лиц с послевузовским образованием, т.е. лиц, имеющих ученые степени или обучающихся в аспирантуре или докторантуре. По данному показателю, как показали результаты переписи 2002 г., Республика Дагестан вплотную приблизилась к таким культурным центрам, как Москва и С. Петербург.

За период между переписями 1989 и 2002 гг. у всех народов Дагестана сильно возросла доля лиц с незаконченным высшим образованием (т.е. число студентов ВУЗов) – от 2-х (чеченцы) до 4-х (лакцы) раз.

В Дагестане проблема «подбора и расстановки кадров» была, по-видимому, актуальна во все времена. Так, в статье М. Алиханова «Состояние образования и туземная интеллигенция», опубликованной в газете «Кавказ» от 14 июня 1896 г., читаем: «До прихода русских в горах не было никаких сословий, и весь народ считался свободными и равноправными озденами. Теперь же офицеры милиции составляют в крае какую-то пародию на привилегированное сословие... и олицетворяют собою администрацию, за исключением высших должностей... Размножившись почти до трех сотен, они и только они занимают в округах все должности наибов, командиров сотен, депутатов и казиев в судах, письмоводителей, переводчиков, старшин... каждый из этих счастливых – сравнительно важная персона в глазах народа, а потому попасть в их число

составляет мечту всякого горца с ранних лет». Далее М. Алиханов приводит рассуждения дагестанцев о том, зачем тратить чуть ли не полжизни в русских школах, а другую половину скитаться на чужбине, когда, «при маленьком счастье», и дома можно «подъехать» к начальству и устроиться как нельзя лучше? «Посмотри, кто у нас богачи сравнительные? Кому принадлежат земли, баранта, сады и лучшие дома в аулах, как не тем, которые, прекратив свое учение на первых же страницах Корана, только ловко пускали пыль в глаза? Возьми и тех, которые учились, чуть ли не до седых волос: чего они добились? Стали почти гяурами, хулят все родное, и в ауле – ни кола, ни оsla, так что есть нечего будет, если вернуться на родину, не дождавшись пенсии.

Так рассуждают горцы, и, по-своему, они, быть может, правы. Но жаль, во всяком случае, что соблазн, представляемый милиционными погонами, как легчайшим способом выйти на сытую дорогу, отбивает молодежь от школы» (Алиханов Максуд, 2002. С. 225).

В подтверждение этих рассуждений М. Алиханова сошлемся на не менее красноречивые слова о А.А. Тахо-Годи: «Один инженер, по национальности аварец из Нагорного Дагестана, рассказывал мне, ...как он, окончив Харьковский технологический институт, еще задолго до революции и желая работать по специальности у себя на Родине, ... добился приема у военного губернатора Дагестанской области... и заявил о своем желании работать в Дагестане. Военный губернатор князь Чавчавадзе выслушал его, а затем выпалил: «Дурак, брат, ты, как я вижу. Что тебе делать тут в Дагестане? Очень умных людей тут нам не нужно. Езжай на Север – в Россию, там тебе лучше будет» (Научное наследие..., 2007. С. 71).

А.А. Тахо-Годи привел и такой, распространенный в Дагестане рассказ. «Однажды Дагестан посетил один из наместников Кавказа. Собрав представителей аулов, наместник предложил откровенно высказаться о злоупотреблениях администрации, о беспорядках и о своих нуждах. Среди гробового молчания запуганных «представителей» выступил убеленный сединами старик, сказавший: «Одно нас волнует сардар (наместник), но от этого одного все наши беды. Скажи, пожалуйста, почему всех наших умных людей вы отправляете в Россию, а всех ваших дураков присылаете к нам? Нельзя ли изменить этот порядок?» (Научное наследие ..., 2007. С. 71).

По бытующему среди дагестанцев мнению, причины общественно-политической напряженности в 1990-х гг. заключались в сосредоточении с советских времен власти, богатств, а в постсоветский период и приватизированной государственной собственности и чиновничьих постов в руках коррумпированных фамилий, которых в Дагестане знают многие, но называть их – своего рода табу. Почему? Ответ на этот вопрос мы находим у Б.Х. Бгажнокова. По его мнению, в узком пространстве небольших республик, где практически все прямо или косвенно связаны друг с другом родственными или другими узами, где их пути многократно пересекаются, людям гораздо трудней прямо высказывать свое мнение, выступать с критикой того или иного лица или сложившегося положения дел. «Тому, кто стал в малом обществе объектом преследования со стороны властных структур, – пишет он, – отказывают (обычно очень вежливо) во всем: в повышении по службе, в устройстве на работу его детей и других ближайших родственников и т.д. С другой стороны, часто руководитель учреждения не смеет уволить нерадивого работника, сознавая, что это может вызвать неудовольствие его покровителей...

Узкое социальное пространство держит человека «на привязи» личностных отношений и достаточно жестко поставленного общественного мнения. Как правило, людей оценивают здесь не столько по их личным достоинствам и способностям, сколько по степени лояльности к исторически сложившемуся, пусть даже неудобному укладу жизни. Не будучи знакомыми со всеми хитросплетениями возникающих на этой почве связей и отношений, трудно понять, почему некоторые люди пользуются большим признанием и всеми благами, а другие, подчас превосходящие их по профессиональным качествам, остаются в тени и не удел. В целом, – заключает Б.Х. Бгажноков, – такие общества неэффективны и отстают в своем экономическом, социальном и этническом развитии.... Население в этих условиях не является и очень редко становится достаточно сплоченной социальной единицей, особенно в регионах РФ, где еще не сложилось демократическое единство, способное преодолеть социальные и этнические различия» (Бгажноков Б.Х., 2003, С. 43–45).

Рассмотрим еще один аспект проблемы образования в Дагестане. Существовавшая в советское время перспектива получить без дачи взяток образование в других регионах России для молодежи из малоимущих семей в 1990-е гг. была закрыта как по материальным причинам, так и в связи с обострением межэтнических отношений, ростом бытового национализма, неприязненным отношением к «лицам кавказской национальности». В этом видится одна из причин массового устремления дагестанской молодежи в 1990-х гг. на учебу в мусульманские учебные заведения

восточных стран.

Возрождение ислама, совпавшее по времени с последовавшим за развалом СССР системным кризисом 1990-х гг., по своей массовости и недостатку кадров, в чем-то было сравнимо с известными из истории большевистскими кампаниями по ликвидации неграмотности, но с той принципиальной разницей, что вместо учителей и школ требовались муллы и медресе. В тех условиях Духовное Управление Мусульман Дагестана (ДУМД) оказалось не в силах взять под свою опеку вопросы исламского просвещения, мобилизовать служителей культа на выполнение ими должным образом задач нравственного оздоровления общества.

Продолжающаяся более полувека коррупция в системе высшего образования «выдавливала» ищущих знания молодых людей, чьи родители не имели денег на взятки (или не хотели давать взятки по нравственным мотивам), за пределы Дагестана.

Контроль ДУМД за подготовкой служителей культа сводился к тому, чтобы как можно больше юношей отправить для обучения за рубеж, совершенно не соотнося данный процесс с реальными потребностями в служителях культа.

Учет количества обучающихся дагестанцев в зарубежных мусульманских странах ДУМД не велся, хотя можно со всей определенностью сказать, что обучившихся в исламских учебных заведениях Турции, Саудовской Аравии, Сирии, Иордании, Пакистана, Индонезии и других стран было в разы больше, чем мечетей и вакансий в исламских учебных заведениях. Юноши, получив мусульманское образование за рубежом, ожидали, что по возвращении на родину они сумеют сделать карьеру на духовном поприще. Но на родине места имамов мечетей, даже строящихся, равно как и вакансии преподавателей медресе, уже были заняты пожилыми людьми с местным религиозным образованием, а потому, вместо безбедной жизни уважаемого муллы или ученого-алима, преподавателя медресе или исламского института их ждала безработица. Претензии же этих юношей относительно того, что имамами мечетей служат малосведущие в мусульманском учении люди, расценивались теми, кому они были адресованы, и обывателями в лучшем случае как неуважение к старшим, а зачастую как проявление «ваххабизма». Таким образом, ярлык «ваххабита» могли прикрепить и тем, которые к данному течению ислама не имели никакого отношения.

Можно полагать, что помощь иностранных мусульманских учреждений в религиозном образовании дагестанской молодежи не всегда была бескорыстной. Возможно, дагестанские юноши и осваивали в странах мусульманского Востока религиозно-экстремистские идеи. Однако бытующее мнение о том, что учебные заведения Турции, Сирии, Египта и др. стран только тем и занимались, что обучали дагестанских юношей ваххабизму, представляется огульным. Полагаю, что среди выпускников зарубежных мусульманских образовательных центров были и такие, которых сама дагестанская действительность толкнула в лоно ваххабизма.

Пример этот приведен здесь с целью иллюстрации того, как «перепроизводство» кадров оказывает дестабилизирующее влияние на общественно-политические процессы.

Одним из способов снятия социальной напряженности, связанной с избыточностью трудовых ресурсов, мог бы стать межрегиональный обмен кадрами. Именно обмен, а не трудоустройство дипломированного демографического ресурса. Сегодня в любом из регионов России если и нужны кадры, то высококвалифицированные. Чтобы Республика Дагестан могла достойно конкурировать на российском рынке труда, необходимо остановить интеллектуальную диверсию против собственного народа. Речь идет о коррупции в сфере высшего и послевузовского образования, о нарастающей с 1970-х гг. девальвации таких ценностей, как образованность, трудолюбие, инициативность, состязательность, о восстановлении подлинного значения таких понятий, как патриотизм, национальная гордость.

ЛИТЕРАТУРА

Алиханов Максуд. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы / Составитель и автор комментария Р.Н. Иванов. С предисловием Судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева. Махачкала, 2005. – 414 с.

Бгажноков Б.Х. Очерки гуманистической этнологии. М., 2003. – 272 с.

Каймаразов Г.Ш. Формирование советской интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988. – 339 с.

Научное наследие А.А. Тахо-Годи / Составитель, автор статьи и комментарий Исаев А.А. Махачкала, 2007. – 348 с.

Социально-демографическая характеристика наиболее многочисленных национальностей и народностей Дагестана (по итогам переписи населения 1989 года). Махачкала, 1992. –101 с.